

Клуб одиноких сердец

И все-таки в одиночестве по-прежнему содержится такая радиоактивная сила, что своим радиусом действия оно охватывает большую часть человечества. С другой стороны, отнимите у человека право (и способность!) быть одиноким — и не будет человека, того самого хомо-более-менее-сапиенса, о котором написаны «Дон Кихот» и «Герой нашего времени», «Смерть Ивана Ильича» и «Мастер и Маргарита»... В конце концов не будет и того, кто написал эти книги. Страшная, пленительная, необходимая всему человечеству болезнь с полуночным названием — Одиночество. В одиночестве изобретаются вечные двигатели и создаются утопические рецепты спасения человечества, в одиночестве сочиняется моцартовский «Реквием» и насыпают в перстни салериевский яд (чтобы потом, позже, оказавшись вдвоем, высыпать его в бокал сотрапезника-соперника). Одиночество окрыляет и подвигает на Поступок. Одиночество — наше вечное зеркало («Свет мой зеркальце, скажи...») — и Зазеркалье наше — тоже.

В одиночестве писатель пишет свою лучшую книгу. И читают ее — тоже в одиночестве. Как получается, что создатели книг и читатели их, оставаясь наедине с собой, в конечном результате оказываются наедине со всеми? Не есть ли это необходимым условием духовного статуса Человека? Облако, оставшись одно, превращается в яблоко (дождь). Волк в одиночестве воет. Человек садится за лист бумаги:

*Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убит.*

Книги делают одинокие. Книги делают нас одинокими. Но только взглядевшись в наше зеркало, мы видим за своими плечами наших друзей и врагов, из которых складывается одинокое человечество Земли (не менее, впрочем, одинокой — в своем холодном и необжитом Космосе).

Наша новая рубрика — для них и о них.

А.Щ.

— Наша с вами встреча — первая в новой рубрике «КО» — «Клуб одиноких сердец». Поэтому вам, автору книги «Возлюбленная Достоевского» (название — явно «бестселлерное»: сразу просится в экранизацию!), первый вопрос — в любви ли Достоевский одиноким человеком?

— Думаю, первую половину своей жизни Федор Михайлович был очень одиноким человеком и очень от этого страдал. Многие его истории, связанные с женщинами — женами и возлюбленными, — как бы овевают его одиночество. Он был одинок и со своей первой женой, Марией Дмитриевной; он оказался одинок и со своей, может быть, самой главной любовью в жизни — Аполлиной Суловой, потому что эта любовь была мучительной и не принесла счастья. Лишь только когда он женился вторично, он получил семейное тепло и уют. Тем не менее в письме к Суловой он написал слова, обидные для его, тогда еще совсем молодой, жены Анны Григорьевны: «О, милая, я не к дешевой необходимому счастью пригляншаю тебя...»

— Интересная формула: «дешевое необходимое счастье»!

— Видимо, в тот момент он считал, что брак с Анной Григорьевной Сниткиной, молодой стенографисткой, которой он диктовал роман «Игрок», женщиной, которая была как бы создана для семейной жизни и была — и есть «дешевое необходимое счастье». Конечно, нужно дать поправку: он писал эти слова не постороннему человеку а женщине, которая могла стать, но не стала его женой...

Кстати, до сих пор была неизвестна реакция Аполлины Суловой на письмо Достоевского. Минувшим летом мне довелось обнаружить в литературном архиве письмо Аполлины Суловой, которое эту реакцию содержит. Она пишет: «У меня было два личных, сердечных огорчения, одно похоже на осорбление, но я была тронута им только на минуту, а потом уж не хотела думать и не думать». Так Сулова восприняла, пойдя к Достоевскому, что он счастлив с дру-

гой, но что ей, Суловой, трудно быть счастливой... Писатель предрекал ей одинокое, бесприютное существование.

— Дешевое необходимое счастье... А если взять дорогое счастье — счастье, которое дорого стоит, — так это и будет несчастье!

— Аполлиния Сулова в жизни Достоевского оказалась той самой женщиной, которая одарила его мучительным опытом любви-ненависти, любви-страдания. Тот факт, что первый ее любовный опыт оказался столь тяжелым, оставил отпечаток на всей ее жизни.

В моей книге есть попытка синхронизировать письма и документы, которые пропутешествовали во времени и пространстве сто с лишним лет. Достаточно было собрать их, расположить в хронологическом порядке и определенной логике, — как возникла совершенно другая, нежели прежде, картина. Появились дерзостные желания опровергнуть многие шаблоны и клише, которые существовали и по отношению к Достоевскому, и по отношению к Аполлине Суловой. Мне сейчас часто приходится спорить с теми, кто говорит: «Да ведь она была женщиной-вамп, роковой женщиной, которая измучила и бросила Достоевского, изменила ему, была просто стервой...»

Особенно любят в этой связи цитировать Зинаиду Гиппиус, которая в своих воспоминаниях писала о Суловой: «развалина с сумасшедше-злыми глазами...», «железная Аполлиния», «тяжелая старуха», «страшный характер»... Мне при этом хочется только одного: провести границу между теми, кто знал лично Сулову, был с ней знаком, и теми, кто получил о ней информацию из вторых-третьих рук. Когда читаешь письма и воспоминания людей, которые знали Сулову лично (как бы они к ней ни относились!): Достоевского ли, Розанова, тридцатилетнего срока приятельницы и подруги Суловой — графини Е.В.Салиас, племянника Аполлины Прокоевны, московского писателя Евгения Платоновича Иванова, — встает один образ, одна женщина.

Когда читаешь воспоминания тех, кто знал о ней понаслышке от кого-то, через третьи руки и

«ДРУГ»

Редкий библиографический указатель имен обходится без упоминания о ней. Не потому, что в ее литературном наследии значатся четыре повести, какой-то перевод с французского, записные тетради с дневниковыми заметками интимного свойства... В истории русской литературы она осталась «женщиной Достоевского». И — женой Розанова. Она оказалась беззащитной перед сплетнями, которые в литературной и общественной жизни России стали сущим апокрифическим жанром (нередко — с оргвыводами, делаемыми компетентными органами!). Книга ЛЮДМИЛЫ САРАСКИНОЙ — о ней, об Аполлине Прокоевне Суловой. Кто она была? «Роковая женщина»? «Фуриозная» Аполлиния? Эмансипантка-шестидесятница, начитавшаяся Некрасова? А может быть, все ее существование — альтернатива четвертому сну Веры Павловны? Книга «Возлюбленная Достоевского» (М.: Согласие, 1994. — 456 с. Тираж 5 000 экз.) пытается дать ответы на все эти вопросы и... оставляет все их открытыми.

пересказывал в десятый или сотый раз все те сплетни и легенды, которые о ней ходили, — возникает другой образ. Мне было всегда обидно, что портрет ее складывается, как правило, из слухов, злобных воспоминаний, клеветы... И я не могу забыть свое личное впечатление от слов Достоевского из письма 1867 года: «До свидания, друг вечный...» Я всегда воспринимала эти слова не как метафору, а буквально. Я всегда считала, что они (Достоевский и Сулова) еще встретятся — в ином мире... Меня как исследователя творчества Достоевского эти слова ко многому обязывают — во всяком случае, обязывают отнестись к Суловой с тем уважением, которое испытывал к ней Федор Михайлович.

Мне хотелось как-то отблагодарить ее — за то, что она жила на свете и была любима Достоевским. Мне хотелось хотя бы посмертно скрасить ее одиночество и отчаяние... Защитить от агрессивных обывательских нападок, ведь ей как бывшей возлюбленной и бывшей жене отводятся лишь задворки истории.

Мои намерения были чисты и бескорыстны, поэтому, я думаю, мне и повезло. Я хотела отмыть эту женщину от грязи — и в этом мне помогли документы. В книге публикуются письма, которые никогда доселе не публиковались. Некоторые письма, пролежавшие 100—130 лет, читала только адресат — графиня Е.В.Салиас.

За два-три летних месяца этого года мне удалось поднять гигантский архивный пласт: 40 писем Аполлины Суловой, 20 с лишним писем к ней Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир, разбросанные во времени 60—90-х гг. (эти письма дают возможность заполнить многие белые пятна биографии моей героини), не публиковались письма В.В.Розанова к Аполлине Суловой тех времен, когда она его уже оставила и они жили врозь (90-е годы).

Кроме того, я нашла очень любопытные официальные документы В.В.Розанова: в частности, два никогда не публикованных его завещания. Первое он написал в 1884 году, когда Аполлиния Прокоевна ушла от него первый раз (а уходила она от него дважды) и они уходились в разлуку около пяти месяцев. В этом завещании он пытался распорядиться своей жизнью и своими литературными трудами. Во втором завещании (90-е годы) он лишает ее наследства и сваливает всю вину за их разрыв только на нее. Важно, однако, что впервые удалось представить другую версию. Хорошо известна версия В.В.Розанова о причине их разрыва. С ней в моей книге сопоставлена женская версия: она заключена в письмах графини Салиас, которые являются ответами

на письма Суловой — как раз по поводу ее разрыва с Розановым.

Картина, надо сказать, предстает совершенно другая. Не хочу быть ни судьей, ни прокурором, ни адвокатом — я лишь хочу, чтобы эти две версии существовали. Любовная драма и трагедия расставания имеют право быть освещенными и с женской, и с мужской стороны.

— Есть один французский фильм, состоящий из двух серий: в первой — показывается история любви с точки зрения мужчины, во второй — с точки зрения женщины. В результате зритель уходит в состоянии благопопешности: фильм талантливый!

— Согласитесь, вряд ли мог быть объективным к «женщине Достоевского» брошенный ею Василий Васильевич Розанов.

— Он был необъективен, будучи неброшенным мужем. Что говорить об объективности брошенного?!

— Он вообще-то был крайне пристрастен и необъективен во всех своих текстах... Очень страстный и пристрастный человек! Да он и талантлив безумно как раз там, где пристрастен. И вот что интересно: и Достоевский, и Розанов даже в разлуке или в разрыве с Аполлиной Суловой находили изумительные слова о ней. Эпиграфом к книге я взяла два текста. Один текст — Достоевского: «Я люблю ее до сих пор, очень люблю, но уже не хотел бы любить ее». Второй текст — Розанова: «...У меня была какая-то мистическая к ней привязанность... Один я знал истинную цену в ней скрываемых даров души... и не мог отлучиться от нее». Так писали о ней те люди, которые ее знали и любили.

И совершенно иначе писали те, кто пользовался слухами и сплетнями. Например, Зинаида Гиппиус. Я цитировала выше ее оценки. Ну, положим, «Фурия» — это оценка. Но ведь Зинаида Гиппиус сделала, на мой взгляд, жуткую вещь: она не только наградила Сулову неслестными эпитетами, но и обвинила ее в страшном моральном преступлении, в том, что тяжелый деспотизм характера Аполлины Прокоевны Суловой довел якобы до самоубийства ее воспитанницу — сироту Сашу, которую Сулова взяла к себе, оставшись после смерти отца совершенно одиноким человеком. Источник информации Гиппиус был весьма сомнительным (и она этого не скрывала). Но тем не менее все поверили ей и очень охотно стали повторять сплетню.

Гиппиус в своих воспоминаниях пишет, что, путешествуя по Волге, она остановилась в Нижнем Новгороде в доме одного священника. Поповна — совсем молодая девочка, оказавшаяся соседкой Аполлины Суловой, стала вспоминать: мол, в

соседнем переулке (указала через крыши с балкона дом) жила жена Василия Васильевича Розанова, московского писателя; была она очень злая, страшная, старая, сумасшедшая... От невыносимости жизни ее воспитанница Саша утопилась...

Этим летом мне удалось обнаружить любопытнейшую рукопись — воспоминания племянника Аполлины Прокоевны — Евгения Платоновича Иванова, сына ее двоюродной сестры Анны Асафовны. Их написал человек, совершенно не заинтересованный в создании тех или иных мифов. Он был на 45 лет младше своей тетки и запомнил ее уже только пожилой женщиной. Скорее всего он не знал, что литературные друзья В.В.Розанова приписывают его тетке тяжелый грех. Спокойно, как старую семейную историю, он рассказывает о том, как тяжело страдала Аполлиния Прокоевна, узнав о гибели девочки Саши. Кстати, эта девочка погибла на глазах самого Иванова, приехав к ним отдохнуть на лето: «...Воспитанница ее Саша, оказавшаяся необычайно добрым, мягким и преданным своей покровительнице человеком, тонет во время купания в Оке. Живо воскрешаю перед глазами этот момент, когда о несчастье в ранние утренние часы приехал я с моим покойным отцом П.П.Ивановым предупредить тетку о случившемся. Помню тяжелые переживания сознавшей свое полное одиночество ослабевающей женщины...»

Достаточно было найти этот простой, «домашний» факт, как версия о «страшном характере» сильно померкла.

— «Роковые женщины» проходят сквозь всю историю России: Авдотья Панаева, Аполлиния Сулова, баронесса Будберг, Лиля Брик, да и сама Зинаида Гиппиус, сыгравшая «роковую» роль в судьбе двух русских писателей... В чем, на ваш взгляд, тайна «роковой женщины» Аполлины Суловой? Почему два российских гения (а мы теперь Василия Васильевича смело причисляем к гениям — в пушкинском, одухотворенном, значении слова) связали свою судьбу с нею?

— Думаю, с Розановым проще. Ответ на вопрос, почему он остановил на Суловой свой взор, прост: они познакомились в ту пору, когда Розанов был гимназистом, поклонником Достоевского. Гимназист — и женщина, которой уже под сорок и у которой есть прошлое. Это была женщина с прошлым — прекрасным и таинственным... Она была известна как женщина Достоевского.

— Прошлое, в котором Достоевский, — это будущее!

— Гимназист Розанов знакомится с женщиной, у которой когда-то был роман с Достоевским, его кумиром. «Это самая